

Владимиру Спивакову

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	9
МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ <i>Первая гостья</i>	11
ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ПРОГРАММЫ “САТИ. НЕСКУЧНАЯ КЛАССИКА”	11
САТИ СПИВАКОВА. МОЯ МАЙЯ	17
РОДИОН ЩЕДРИН <i>Тропа Щедринка</i>	22
МИХАИЛ ШЕМЯКИН “А друг мой — гений всех времен, безумец и повеса...”	34
ТАТЬЯНА ЧЕРНИГОВСКАЯ <i>Эффект Черниговской</i>	50
ШАРЛЬ АЗНАВУР <i>Аспирин любви</i>	69
АЛЛА ДЕМИДОВА <i>Зачарованный голос</i>	77
ТЕОДОР КУРЕНТЗИС <i>Воин мечты</i>	86
ФАННИ АРДАН <i>Не убегай из-под дождя!</i>	101
ГИЯ КАНЧЕЛИ “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...”	112
ИРИНА АНТОНОВА <i>Только первый слой</i>	132
ГИДОН КРЕМЕР <i>Миражист</i>	142
ХИБЛА ГЕРЗМАВА <i>Златоокая</i>	167
ДМИТРИЙ ЧЕРНЯКОВ <i>Стихия таланта</i>	176
ВАЛЕРИЙ ГЕРГИЕВ <i>Менацеах</i>	190
ДЖЕССИ НОРМАН <i>Метафизика Джесси</i>	202
ВЛАДИМИР ЮРОВСКИЙ <i>Две беседы с мастером</i>	221
У ДИРИЖЕРА ВЫХОДНЫХ НЕ БЫВАЕТ	221
ПРИРУЧИТЬ ДЬЯВОЛА	242
ЕВГЕНИЙ КИСИН “Нельзя объяснить музыку словами...”	262
ЛЮДМИЛА МАКСАКОВА <i>Двойной портрет</i>	273
РОБЕРТ УИЛСОН <i>Визуалист</i>	284

ХОСЕ КАРРЕРАС <i>Дон Хосе</i>	298
НИКОЛАЙ ЛУГАНСКИЙ <i>Принц Фортепиано</i>	305
БРУНО МОНСЕНЖОН <i>Летописец музыки</i>	329
ЗОЯ БОГУСЛАВСКАЯ <i>Современница</i>	336
ВАЛЕНТИН ГАФТ <i>“Там истина оголена...”</i>	345
СЕРГЕЙ ФИЛИН <i>Несколько жизней Сергея Филина</i>	359
<i>“снится, что я танцую...”</i>	360
<i>ПРОСТО ЖИТЬ</i>	368
ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА <i>Елена Прекрасная</i>	380
ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ <i>“Благодарю тебя”</i>	393
ГРИГОРИЙ СОКОЛОВ <i>“Я клавишей стаю кормил с руки...”</i>	402
БОРИС ЗЙФМАН <i>Два человека, каждый из которых я</i>	415
АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ <i>Почерк Кончаловского</i>	426
ДИНА РУБИНА <i>А дадим-ка здесь немножко presto!</i>	435
СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ <i>Перелом времени</i>	447
ЮРИЙ ГРИГОРОВИЧ <i>У юности нет возраста</i>	457
ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ <i>Неразделимые</i>	475
ЮРИЙ РОСТ <i>Скрытое изображение</i>	483
СОЛОМОН ВОЛКОВ <i>Связь времен</i>	500
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ <i>“Пока горит свеча...”</i>	521
БЛАГОДАРНОСТИ	523
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	525

ОТ АВТОРА

В 2002 году я написала книгу воспоминаний, которую сознательно назвала “Не всё”... Бесчисленное множество раз за пролетевшие почти двадцать лет мне задавали вопрос: будет ли продолжение? Я отвечала — пока нет. Нет времени. Нет желания. И сейчас скажу то же самое. Книга, которую вы держите в руках, — не продолжение. Может быть, наступит момент, когда внутренний голос благословит меня написать “Всё”. Но сейчас завершена другая, очень важная для меня работа: собрание бесед из цикла “Сати. Нескучная классика”, каждую главу которого предваряет моя преамбула. Пандемия оказалась в помощь, подарив драгоценное время, чтобы отобрать именно те беседы, в которых, на мой взгляд, через разговор о музыке перед читателем предстает во множестве деталей личность каждого из героев. Также я дополнила эту череду интервью несколькими беседами из другой своей авторской программы “Камертон”, выходившей на канале “Культура” с 2005 по 2010 год. В том цикле были редчайшие встречи, с героями которых по той или иной причине мне не удалось пообщаться за десять лет существования “Нескучной классики”. Еще одна оригинальная, на мой взгляд, идея этой книги: в конце каждой главы обозначен перечень музыкальных сочинений, упоминающихся и звучавших в программах. Таким образом, читатели при желании могут легко отыскать их и послушать, составив портрет героя, сложенный из его музыкальных предпочтений. И вот все беседы, подобно драгоценным жемчужинам, нанизаны на одну нить,

собраны в единое ожерелье. Остается замочек, то есть предисловие. Самым сложным оказалось написать именно его.

Телеканалу “Культура” — двадцать два года, из них ровно пятнадцать я там работаю. Вернее, не так. Я никогда не была призвана в штат канала, хоть нередко меня и называли его лицом. Все мои программы выпускались и выпускаются блестящей продюсерской компанией *M-production*. “Нескучной классике” 20 апреля 2020 года исполнилось ровно десять лет. Для телевидения это солидный возраст! Увы, никто из руководства канала не вспомнил про наши 311 программ. Порой мне кажется, что “Сати. Нескучная классика” существует не благодаря, а вопреки всем факторам: аварийному состоянию декораций, вечной миграции по сетке, полному отсутствию анонсов, невозможности привлечь дополнительные средства к модернизации и усовершенствованию проекта...

То, что мы до сих пор выходим в эфир, — заслуга моего верного продюсера, замечательной Марго Кржижевской, всей моей съемочной группы, которая за эти годы практически осталась неизменной. И конечно, главная заслуга — постоянный интерес зрителей не только по всей России, но и за ее рубежами...

Благодарю всех гостей моих программ, всех без исключения. У каждого из них в книге — главная роль. Я несказанно признательна этим великим людям за их доверие, искренность, за талант, за подаренную — в первую очередь мне — возможность духовного роста. Эта книга имеет свои пределы и поэтому в ней сегодня малая часть имен тех, с кем удалось побеседовать за десять лет. Дай бог, мы продолжим наши диалоги и подготовим следующую.

...Я пишу эти строки летом 2020 года, самого странного года всей моей жизни, да и не только моей. Наш мир съехался до размера жилплощади. Наши чувства, напротив, гипертрофированы до самых глубин бессонницы! Как бы дальше ни сложилась моя профессиональная жизнь на телевидении, верю и знаю, что для огромного количества зрителей “Сати. Нескучная классика” стала камертоном любви к музыке. А значит, путешествие длиной в зоо с лишним программ было не напрасным...

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ

Первая гостья

Майя Михайловна Плисецкая. Одна из тех личностей, встречу и общение с которыми можно считать подарком судьбы. Драгоценным подарком! Я имела счастье и привилегию общаться с живой легендой подолгу, с глазу на глаз. Когда, начиная цикл программ “Нескучная классика”, я пригласила ее стать первой гостьей, она немедленно согласилась, добавив с теплой иронией: “Конечно, Сатенька, я буду. Я ведь понимаю, что, если начнешь с меня, у программы будет успех. Это важно!” Слуховая память навсегда сохранила неповторимый тембр ее голоса и то, как она произносила мое имя, растягивая гласную “а”: “Са-атенька”. Она как в воду глядела. Майя Плисецкая стала доброй феей, ангелом-хранителем нашей программы! Вместо послесловия к беседе с ней хочу поделиться своей статьей в журнале Tatler, которую написала в день ее кончины...

**20 АПРЕЛЯ 2010 Г.
ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ПРОГРАММЫ***

САТИ СПИВАКОВА Здравствуйте, это программа “Нескучная классика”, и веду ее я — Сати Спивакова. Наша программа помо-

* Здесь и далее имеется в виду программа “Сати. Нескучная классика”, если не указано иное.

жет вам понять и полюбить классическую музыку. Как часто вы отказываетесь пойти на концерт только потому, что боитесь не понять музыку, которую там услышите. На самом деле классическая музыка просто живет по своим законам. Наша программа откроет вам некоторые музыкальные тайны, и вы убедитесь, что классика скучной не бывает*.

Наша страна богата великими артистами. Есть люди действительно планетарного масштаба. Но даже среди них ярчайшей звездой сияет Майя Плисецкая. И сегодня Майя Михайловна Плисецкая в гостях у нашей программы. Здравствуйте, Майя Михайловна!

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ Здравствуйте, Сати!

(В ответ на раздавшиеся аплодисменты Плисецкая, сидя, приветствовала студию взмахом своих неповторимых рук. И тогда я начала программу со следующего вопроса. — С. С.)

- С. С.** Майя Михайловна, однажды вы мне сказали, что убеждены: жест родился раньше слова.
- М. П.** Конечно! Слова порой надо переводить, а жест понятен всем.
- С. С.** Сейчас молодежь в нашей стране уже не понимает, что мы долгое время жили в ситуации тотальной творческой несвободы. Как вам удавалось быть абсолютно свободной при той несвободе и реализовывать себя полностью?
- М. П.** Знаете, в России всегда все всё преодолевали. Ведь даже Пушкина цензурировали. И никуда не выпускали. Он никогда не ездил за границу, ни разу. Пушкин был, как бы сказали сегодня, невыездной. Не буду сравнивать себя с Пушкиным, но я тоже в советские годы была шесть лет невыездная. И не только я. Ну и была советская власть,

* Так звучала подводка к самому первому выпуску “Сати. Нескучная классика”. Впоследствии она сократилась, появились два варианта, в зависимости от темы программы. А из этой начальной подводки появился мой фирменный слоган: “Классика скучной не бывает”. (Теперь замечая, как там и тут под этим “девизом” появляются чужие концертные программы и лекции.) — *Примеч. авт.*

мразная власть. Кто бы сейчас ни старался ее защищать, ничего не выйдет. Очень страшная власть. И хорошо, если молодые люди этого не знают. И не надо им мучить себя, отравлять свою душу и мозги.

- С. С.** А как вам удавалось при этой несвободе взаимодействовать с такими мастерами, как Морис Бежар, Ролан Пети, Пьер Карден?
- М. П.** В идеале это должно было бы случиться лет на двадцать пять раньше. Я попала к Бежару, к этому богу — создателю танца, когда мне было уже много лет. Но то, что мы сделали с ним это, — неоценимо и очень здорово. У Бежара была неординарная внешность, в нем было что-то от Мефистофеля. Светлые, почти белые глаза и в них острые черные зрачки. Они пронзали. Единственной, может быть, кто выдержал его взгляд, была я. Просто потому, что мне было любопытно. Я почувствовала в нем необыкновенную натуру. А потом, знаете, как он показывал! Я не всегда бываю внимательна, могу забыть, не понять. Это у меня от природы... Но с Бежаром все сразу выгучивала. Совершенно невероятно! Он пять балетов со мной сделал. Единственное, что оказалось трудно для памяти, — это “Болеро” Равеля.
- С. С.** Ида Рубинштейн, для которой написано “Болеро” и многие другие произведения, не была великой танцовщицей. Как она это танцевала?
- М. П.** Она была великой женщиной. Что оказалось важнее, чем быть великой танцовщицей! Она обладала вкусом и понимала настоящее искусство. И понимала, на что стоит тратить деньги. Она не бриллианты покупала и не яхты, а музыку и живопись. Если бы не ее одержимость, эти великие композиторы, которые порой бывали ленивы и не всегда мечтали с ней сотрудничать, так и не создали бы шедевров. Ведь и Равель с заказом Иды тянул и тянул. Обещал написать и делал что-то другое. Тогда она просто дала ему денег, кучу денег, в два раза больше, чем он хотел, поставив его в безвыходное положение, — ему пришлось писать. И он написал “Болеро”. Равель сам потом говорил: “Я написал шедевр, в котором нет музыки”.

- С. С.** Но в “Лебеде” Сен-Санса музыка, безусловно, есть. Чем ваш Лебедь отличался от других?
- М. П.** Мы не знаем, как поставил “Лебеда” Михаил Фокин. Сохранилось лишь несколько кадров с фрагментами танца Анны Павловой. Но в них нет ничего общего с тем, как потом его танцевали. Я сама себе все придумала. Теперь все танцуют, будто бы так и было. Но у меня “Лебедь” остался импровизацией. Я всякий раз танцевала его по-разному. Это ж даже неинтересно — два раза одинаково.
- С. С.** Смотрели ли вы на живых лебедей, когда начинали учить “Лебеда”?
- М. П.** Да! Я ходила в зоопарк, смотрела, как птица держит крыло, за пластикой его подглядывала. Лебеди могут долго стоять в арабеске, безумно долго! Смотрела и думала: вот это устойчивость!
- С. С.** Почему вы с такой легкостью брались танцевать абсолютно нетрадиционные для русской классической балетной школы постановки у зарубежных балетмейстеров?
- М. П.** Я всегда очень любила новое, неожиданное, непривычное. Потому что делать класс — это для меня было скучно. Хотя и необходимо. Так же как пианисту всю жизнь играть гаммы. И потом, понятие “модерн” в мое время воспринималось как ругательство, обозначало нечто недозволенное. А у меня есть такое в характере — плыть против течения. Мне всегда хотелось того, что нельзя, что запрещали.
- С. С.** Я вспоминаю, как вы описывали этот бунтарский дух в своей книге*. Вы тогда снимались в телеверсии “Хованщины”, и вам предложили костюм, состоящий из маленького лифа и панталон, так что живот оставался голым. Фотографию костюма вы показали Лиле Юрьевне Брик, с которой дружили, чтобы обсудить, не надо ли сделать лиф длиннее. А Лиля Юрьевна заявила, что надо его снять вообще.
- М. П.** Лиля никакую классику не признавала. Может быть, я ей и нравилась тем, что всё делала не по шаблону. А она, зна-

* Плисецкая М. Я, Майя Плисецкая. М.: Новости, 1994.

ете, была вольных нравов, как это было модно в начале XX века. Я хорошо помню, в тот раз она мне сказала, что надо убрать лиф к чёрту и танцевать с голой грудью. Сегодня бы сняли балерину и полностью голой. Но тогда это было просто крамолой.

- С. С.** А ваша Кармен, она ближе к Бизе? К Мериме? Или это Кармен Плисецкой?
- М. П.** “Кармен-сюиту” поставил кубинский хореограф Альберто Алонсо. Это было именно то новое, к чему я всегда стремилась и что у нас всегда запрещали. Но шел 1967 год. И Кармен запретили. На следующий день после премьеры вместо второй “Кармен” был объявлен “Щелкунчик”. Мне сказали: “Никакой «Кармен» больше не будет, никогда”.
- С. С.** Вы помните, что пережили в этот момент?
- М. П.** Это забыть трудно. Тот скандал в Министерстве культуры, когда Екатерина Фурцева мне сказала: “Ваша Кармен умрет”. А я ей ответила: “Кармен умрет тогда, когда умру я”. Для того времени это было восстание. Новый семнадцатый год!
- С. С.** Мало кто сейчас помнит, что вы танцевали в первой постановке “Спартак” Леонида Якобсона. В чем была магия этого балета? В чем вообще была магия Якобсона?
- М. П.** Якобсон был великий стилист, он создавал стиль в танце. Стиль эпохи. У него ведь в “Спартаке” — всё в стиле эпохи. Античные позы, положения, как на барельефах. Полупальцы, сандалии. В его постановке были эмоции, невероятные эмоции.
- С. С.** Майя Михайловна, а в балете “Лебединое озеро” какого лебедя вы в себе чувствовали больше? Черного или белого?
- М. П.** Тут необходимо маленькое пояснение. Во всех первых постановках Одиллия никакого отношения к черному лебедю не имела вообще. Это была дочь Демона, который с помощью чар сделал ее похожей на Одетту. Так Демоница смогла обмануть принца. А когда к нам стали приезжать западные балетные труппы, вдруг выяснилось, что Одиллия — это черный лебедь. Для нас это был большой сюрприз. Может быть, другие балерины и не обратили на это